

Игорь Платонов

ЭКЗИСТЕНЦИЯ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Игорь Платонов

Экзистенция. Стихи и поэмы

«Издательские решения»

Платонов И.

Экзистенция. Стихи и поэмы / И. Платонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934566-0

В поэтический сборник «Экзистенция» вошли стихи и поэмы, написанные в разные годы и объединённые идеей самопостижения и сохранения в себе постоянства и равновесия, обнажающего единство Человека и Вселенной как силы бесконечности.

ISBN 978-5-44-934566-0

© Платонов И.
© Издательские решения

Содержание

Трепет в воздухе	8
Как это странно...	9
Тайны сердца	10
Прана бессмертия	11
Ты помнишь?	13
Крылья транса	14
Пути сообщения	15
Одиночество	16
Дорога на родину	17
Обнажённые чувства	19
Огонь	20
Вода	21
Искусство дао	22
Отрешённость	23
Цветы и перлы	24
Стихия дворов	25
Псы	26
Правила тупика	27
Незнакомка из прошлого	28
Состояние дна	29
Тонус восьмидесятых	30
Холод	31
Периферия	32
Оборот	33
Карма	34
Психоделический блюз	35
Больная песня	36
Пути и путы	37
Репризы рока	38
Движение	39
Волшебные часы	40
Мантра силы	41
Ключ высоты	42
Меж туманом и бездной	44
Свобода	45
Из мук в сиянье	46
Больница	47
Присутствие любви	48
Сквозняк	49
Снега	50
Ночные страсти	51
Элегия	52
Раба мельпомены	53
Дивертисмент	54
Cadence	55
Экзальтация	56

Когнитивный диссонанс	57
Магия счастья	58
На пределе тоски	59
Прикосновение к миру	60
Фигура в нише	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Экзистенция Стихи и поэмы

Игорь Платонов

© Игорь Платонов, 2018

ISBN 978-5-4493-4566-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игорь Платонов «ЭКЗИСТЕНЦИЯ»

стихи и поэмы

Москва, 2018

УДК

ББК

ЭКЗИСТЕНЦИЯ / Стихи и поэмы

Игорь Платонов (Светослов); 2018. – 220 с.

В поэтический сборник «Экзистенция» вошли стихи и поэмы, написанные в разные годы и объединённые идеей самопостижения и сохранения в себе постоянства и равновесия, обнажающего единство Человека и Вселенной, как силы бесконечности

ISBN

© Игорь Платонов (Светослов), 2018

Трепет в воздухе

Птица, умытая небом
В юных лучах рассвета,
Ты ли овеешь негой
Ветренный дух поэта?

Трав ли невинная сила
Выльет бальзам на сердце,
Чтоб суета не затмила
Слов, что летят по инерции?

Звёзд ли алмазная россыпь
Дух озарит мечтами?..
Лейтесь, живые росы,
В явь, что жива устами.

Памятных грёз не раня,
Внемлю заре бессмертной;
Душу умою ветрами
И отражусь несметно

В гóрода гранях зеркальных,
Песню умножив эхом,
Нервами нежа реальность,
Где не зимуют без меха;

Где надрывают силы,
Чтобы расти в бетоне,
Дабы нужда не сбила
Песни в глухие стоны...

Горло моё нагое,
Кровь отогрей былиной,
Где оживают корни
И не цветут руины.

Как это странно...

Как это странно – расти в небеса,
Корни доверив земле,
Сердцем открытым ловить голоса
Или светиться во мгле;

Быть ли звездой или сыном полей,
Зная, что есть и зола;
Греть или греться, и млеть, где нежней,
Веря в бессмертье тепла.

Как это странно – смеяться сквозь дождь
И понимать вольный воздух;
Знать, что когда-то покой обретёшь,
И не болеть о серьёзном.

Быть ли никем, если знаешь, как жить,
И не сгорать безответно?
Как безупречно движение души
В диком дыхании ветра...

Тайны сердца

Мятежный сумрак бледнел со стоном,
Вздымая горечь, как пыл судьбы;
И я тянулся к невинным кронам,
Когда вращали в туман мольбы...

Играли нервы, как фортепьяно,
А где-то вольно шумел прибой;
В груди гудела сплошная рана,
И оставалась любовь живой.

Я жил как воздух, бывал пропавшим,
Однажды умер, но всё ж воскрес;
Душа свободная – нараспашку,
И жуть бывшего – как старый квест.

Живая песня в крови не стынет,
Сжигая эго и веря в сад;
Сердца не могут быть пустыми,
В них согреваются Небеса.

Прана бессмертия

Остывшая прана пустынна,
Как звук потерявшая музыка;
И вся дворовая скотина
Слегка шебутна и разнузданна.

И катится в сумрак история,
Дыша кутежами да бунтами;
В подкорке есть файл крематория
И драйв, узаконенный гуннами.

Как водится, голь подзаборна,
Она от Системы устала;
Там Каин владел Лебенсборном,
И клан обрастал капиталом.

Теперь всё по курсу; как в танке
Рентабельность прёт в неизвестное...
Доверишь ли душу тальянке,
Глаза распахнув перед бездною?

Орда ли виновна в мутациях?
Дефолт ли плодит иго рати?
Психея ушла в медитацию,
И Эрос от похоти спятил.

Кто вывел микроб фатализма?
Кому озаренья доверены?
Шикмейкеры в розовых линзах
Из грёз вылетать не намерены.

Чернобыль не спас Фукусиму,
Мир болен провалами в памяти;
Его техногенные силы
Сгорают в космическом пламени.

Ну как не устать от маразма?
Мы все напряженьем пронизаны;
И снова летим на соблазны
С оттягом, лафой да круизами.

Но что мне крутые обеды,
Ажур и шоссе без колдобин?
Я нынче в Европу не еду,
Я здесь активирую допинг.

Артерии голых ветвей
Застыли в непуганом воздухе;
Но воля глубинных кровей
Корнями их держит под звёздами.

Я снова у них на виду;
И сердце поёт не о том ли?
Когда-то, в былинном ладу,
Мы были богами, я помню...

В нас дышит нетленная суть
Реальности вещей;
Как видно, душе не уснуть,
В ней – память о вечном.

Вселенная вышибла свет...
Прими эту мощь как Сознание;
В бессмертии прошлого нет,
Там всё настоящее. Знай его.

Ты помнишь?

Ты помнишь дыхание гроз
И шквал веселящих дождей?
Ты помнишь движение грёз
И свет легендарных идей?

Ты помнишь невинный оркестр,
И холод незримой стены?
Ты помнишь тепло от небес
И восторг от волны?..

Ты помнишь значение вина,
Когда разговоры пусты?
Ты помнишь, как плачет весна,
Когда погибают цветы?

Ты помнишь весёлых детей
И думы, таящие боль?
Ты помнишь пропавших людей
И святую любовь?

Ты помнишь сияние звёзд
И небо в зеркальной воде?
Ты помнишь движение грёз
И неугасимых надежд?

И я вспоминаю опять,
Как сила рождает пути;
А мир продолжает сиять,
И всё – впереди.

Крылья транса

Над лоном сна парила память,
Желая мир оставить прежним;
А город стон гасил о камень,
И тяжелел я безутешно...

Играла пламенем свеча,
И тело жаром оплывало;
А утро выждало свой час
И томный сумрак разорвало.

В облавном зареве рассвета
Металась раненая птица;
Сквозняк сорвал со стен портреты
И билась тень по белым лицам.

Крылатой мощью шло движение,
И скорбь юлой вилась и жала;
А пульс вошёл в этап скольженья,
И карма дух расколдовала.

Поток хорала взвил мечты,
В пылу расплавав лязг рояля;
И очи явь очаровали,
Из мути выхватив цветы, —
Надрыв бессильной немоты
Живые губы целовали...

Пути сообщения

Я впадаю в апрель, как река – в океан,
Грусть пустынна...
Мы здесь слишком трезвы; дай, родная, стакан, —
Думы стынут.

Распахнёмся как высь, обомлев от вина
Всевековья, —
В наши вены ударит любовь, и она
Станет кровью.

Одиночество

Печаль одиночества – путь,
Что предоставила Сила
Тому, кто не может уснуть
В мире сумы и тротила.

Не зная ни граней, ни пут,
Он дух одевает в надежды;
Его Небеса берегут,
И нервы железные держат.

И свет своего одиночества
Всем дарит Вселенная вольная;
Она не нуждается в почестях,
Пылая в сознании воина.

Дорога на родину

По сердцу хлестали ветви
Неисправимых дорог;
Под парусом нам соловеть бы,
Но дух указал на исток...

Брат мой выруливал зверски,
Шок выжимая до пят;
Ветра колошматили в дверцы
На скорости сто пятьдесят.

Но не рассыпалась тачка, —
Есть у неё тормоза;
И как сумасшедшая прачка
«Жигуль» полоскала гроза.

А ночь раздробилась на звёзды
И тело обрушила в сон;
Рассветы ж бывают морозны
На стыке мобильных времён.

И наш навигатор не вынес
Таких аладдиновых пыток, —
Заглох. Ну а кто его сдвинет?
Лишь тот, кто удачлив и прыток.

Он стал как тупой забастовщик, —
Бунтарь без бухла и финансов;
И мы в этой подлой парковке
«Свечу» извлекали из трансa.

Толкал я машину, как узник
Концлагерного эшелона;
Я понял, что значат грузы
В глуши без колёс и музона...

Но выжгло-таки зажигание
Гремучий салют в голове!
Рвануло по трассе сознание,
Тестируя путь на кювет...

Но тракт опасенья отсеял,
И брат мой забил на стандарты;
Мы ж продвигались на Север,
А не на Кипр, и не в Ялту.

Нас Мурманск обнял дыханьем,
И горькая муть испарилась;
Лишь память играет стихами
О том, как нас мама любила...

Обнажённые чувства

Я чувствую небо, там воля ясна,
и никто не убит,
Мы греем надежды, но верим в себя —
лишь, когда заштормит;
И всюду плодятся мечты одиноко и тайно,
Но там, где светло и уютно, — друзья виртуальны.

Я чувствую здесь неземную любовь,
но она – в стороне,
Я знаю реальность, которая
не погибает в огне;
И мне говорят, что это издержки искусства,
Но нас оставляют живыми открытые чувства.

Я вижу в глазах обнажение льда
и покой синевы,
Я чувствую, нас не сближает беда,
хоть и все мы правы;
Но всякое сердце имеет в себе часть Неба,
Поэтому я не прошу ни вина, ни хлеба.

Огонь

Возникая из трения, из ниоткуда,
Из разохшейся тверди, из диких пород,
Вздывается неистребимое чудо
Священного пламени, – духа высот,
Огня, отопревшего странника в стужу,
И уничтожившего Содом...

Я грею дыхание сердцем наружу,
Небес очагу доверяя свой дом.

Вода

Вода умеет играть и петь,
Текучею волей ловить все чувства
И сохранять их, как некая сеть,
Даря уставшим своё искусство.

Она нежит плоть, чтоб душа молодела,
И обращает в жертву профана;
Вода имеет волшебное дело
И тайный эгрегор Левиафана.

Искусство дао

Свои по зову не приходят?
Чужие ставят на крутых?
Ликуй, душа, – ты на свободе,
Где нет ни мёртвых, ни живых.

Но равнодушие фатально,
И стоек имидж не всегда;
Храни себя в зеркальной тайне
И продвигайся как вода.

Отрешённость

Деревья теряют листья,
Самое время бродить;
И ветра повадка лисья
Меня не устанет любить.

Живучая память – как лира,
А даль превращается в зарево;
И взгляд наполняется миром,
Плывя наугад через марево...

Земля сиротеет и млеет
В плену шелестящей отрады;
И сад, ни о чём не жалея,
Горит в глубине листопада.

Цветы и перлы

Бреду по затуманившимся травам
Осиротелым кесарем глуши,
Ввергая очи в сумерки упрямо
Бессонными светилами души.

Дремучий мир по мне пройдётся дрожью —
И мне себя бы в теле удержать...
Зачем опять иду по бездорожью,
Когда велят по гравии бежать?

Но, видимо, встревожена природа.
Что так влечёт в глухую глубину;
Я чую первородную свободу,
Зажмутив набежавшую волну...

Есть в этом обнаженье суд и милость —
В распаханную заповедь – нутром;
А есть в облавном буме нелюдность,
И споры – ни о чём.

Мы вновь согреты узами да визами;
А в памяти, раздвоив непогоду,
Ютится бытовая независимость,
И дышит бесприютная свобода.

Стихия дворов

Вывихнутые суставы
Патриархальных дорог
Каверзно и неустанно
Тянут в стихию дворов...

Надвое путь расколот,
В сердце – желание встреч;
Нет, это просто холод
Хочет в уют завлечь.

Там упоение пира,
Дым и бессонные страсти,
И соблазнительна лира
В трепете жертвенных граций...

Тянет к таким красивым
Непринуждённо свернуть...
Но путеводная сила
Не прерывает путь.

В мареве дрожь гуманна,
Допинг тумана крут;
А позитив – как манна,
Жизнь продолжает игру.

Это приятно и просто —
Жить, не жалея дней,
И заплывает воздух
Опиумом идей.

Псы

Здесь в каждом дворе – собака,
И в каждой собаке – друг;
Какой-то ботаник, однако,
Смешал кобелей и сук.

А с сукой ну что не случится?
Её всякий пёс может взять;
Ей внять бы примеру волчицы,
Чтоб шлаки в породе не гнать.

А плут кобелина – не лучше,
Привык в закоулках тусить,
Учуёт готовую сучку —
И будет ламбаду месить...

И тут же взъерошат осанку
Такие ж как он кобели;
И тяга к податливой самке
Рекордно их нюх распалит.

И сборище псов понесётся
Туда, где свихнулся инстинкт;
Но сучьей слезы не прольётся
О том, что кобель – не один...

Встречай меня, грей, дорогая,
Я буду твоим навек,
Мы – люди. А псовая стая
Пуškai продолжает свой бег.

Правила тупика

Заходя в тупик,
Никого не обвиняй;
Будь как дома,
Накручивай шик,
Но никому не открывай.
Это аксиома.

Когда ж понесёшься вперёд,
Пробив тупиковую стену,
Как беспардонная фура,
Не будь оголтелым, —
Закрой за собою проход
Той же структурой.

Незнакомка из прошлого

Я пил коньяк в пустом буфете Воркуты,
Не постигая, что со мной происходило;
Я был с изящною буфетчицей на «ты»,
И что-то в ней меня томило и любило...

Её глубокие небесные глаза
Меня поили притягательной тоскою, —
В них было то, что в жизни я недосказал,
И было всё, чего не выразить строкою.

Я ей рассказывал про наш суровый быт,
Про ЗФИ, про экспедицию, полёты;
Она внимала мне, ловя тепло судьбы,
И словно ждала от неё ещё чего-то...

Потом в служебном закутке меня врасплох
Вдруг обожгло её неровное дыхание...
И я припал к её устам, утратив слог,
Как будто встретил неизвестное создание.

И этот долгий поцелуй, как дар извне,
Из головы моей повышиб все полёты;
И нежный голос как пропел: «Пойдём ко мне,
Ещё немного – и закончу я работу...»

И я на радостях ещё взял коньяку,
Я был не пьян, лишь околдован чувств аккордом;
Я на неё смотрел, испепелив тоску,
Я был влюблён, сидя в тылу аэропорта.

Мечтал не долго я в буфете с коньяком,
Она исчезла по делам в своей служебке;
И тут меня потряхнула память, словно гром:
Я должен срочно был лететь! И шок был крепким.

Меня нашли друзья на входе в шумный зал,
И мы мгновенно собрались у самолёта;
А в голове моей рыдал и трепетал
Певучий голос: «Я закончила работу!...»

О, как легко в один момент про всё забыть,
И обмануть себя и ближних не пытаться;
Но как же странно до сих пор в себе хранить
Ту незнакомку, что любила целоваться.

Состояние дна

Душа – как подводная лодка,
И ей ни к чему горевать;
А мир погружается в водку...
Я буду тихонько всплывать.

Тонус восьмидесятых

Вновь мороз гложет сердце, деревья – как мрамор,
И туманится воздух, мятежа озноб;
Опустел тротуар в заторможенной драме,
И колотится плоть, как актриса без проб.

Но в момент бодуна эта стужа некстати,
А вчера было жарко, и было что петь;
Но теперь – не до этого, пляска не катит,
И одна лишь идея: в бреду не сгореть...

Почему всё так сложно? Зачем мы лакали
Эту смесь алкоголя? На блажь повелись...
Отходняк беспощадно сорвал все вуали,
Обнажил маету и заставил трястись.

Нет, я всё понимаю, – мы пьем только в праздник,
А работаем трезво; о чём разговор?
Но бывают всегда исключения из правил, —
Типа драмы любовной, где шарм без опор.

Или друг потерял интерес к этой жизни,
Забывая на всё – от работы до слов;
И молчит, словно в тайны вникает Отчизны,
Постепенно теплея от певчих основ...

Эти певчие силы всегда в нас сияли!
Но теперь надо выжить... Мага́зин закрыт,
Я как будто к скале всей натурой прибит...
До одиннадцати мы дотянем едва ли...

Но в больших поездах – рестораны крутые, —
Там ведь можно любое лекарство найти;
Это выход! Спасенье! А мы – не пустые,
Лишь бы выйти на эти большие пути...

Город шум встрепенул, возвратив сердцу тонус,
Огрубевшие думы почуяли прыть...
И железный состав открывает вагоны,
Чтобы было, что выпить и чем закусить.

Холод

Отчаянье – как жгут,
Когда не греют вены,
Когда нагие вести —
Как ноги на снегу...
Беспомощна порука
И нет нужды в словах,
Когда стучит разлука
В бессмысленных шагах
И откровенье звука
Дробится на устах;
Гульбой гудит округа,
Истоптанная скукой,
В отдавленных костях
Шалит дверной сквозняк.
Идёт война за место?
Фавор не станет креслом
И не онежит блуд;
А псы и врозь, и вместе
Жуют и тем живут...
Желанья гасит мгла,
В груди смыкая горечь;
Зашторивает город
Пустые зеркала...
В дыханье шок сочится;
А вместе мы другие.
Но где родные лица?
Живая ностальгия
Пульсирует во льду...
Фатален круг амбиций,
А грех мольбой оттиснут;
И остаётся виза —
Идти туда, где ждут.

Периферия

Человек – это ветер
В штормовых закоулках;
Сердце плачет о свете
И колотится гулко...

Небеса тяжелеют,
Фронт земли – мостовая;
И молитвенный лепет
Стук шагов разбивает.

Стал бульвар парашетом,
И движение – опора;
Здесь фатальным аскетом
Бродит тень Командора...

Мы безумно чужие
В этом мире промозглом;
Боль развеяна жизнью,
Человек – это воздух.

Но отчаянно точен
Дух, тоскою гонимый;
И детей одиночеств
Шок выносит к любимым...

Окрылись немотой,
Уцелевшая жертва, —
Из груди вырван вой
Одичалого сердца.

Оборот

Если бы мир обернулся ветром,
Он бы не знал завес,
И если бы мир обернулся песней,
Он бы не ждал чудес.

Но глядя на звёзды, я чую свободу,
Зовущую в тайны судьбы;
Она обернётся туманом и спросит:
«Что такое мы?»

Если бы мир был таким, как звон,
Он бы не знал узды,
И если бы мир был таким, как сад,
Он бы не ждал беды.

И всё же, кто волен — тот жив, но каждый
Болен своей игрой;
А если б я был таким, как весна,
Я бы знал, что со мной...

Если бы мир был таким, как детство,
Он бы врагов не творил;
И если бы дар не кроили на лавры,
Он бы мечты оживил.

Но вольно входя в эйфорию полёта,
Я жар утоляю грозой;
Она обернётся росой и скажет:
«Этот мир не чужой...»

Если бы путь обернулся рекой,
Он бы имел полный ход;
И если бы мы посмотрели в себя,
То шагнули б вперёд.

Но пока не кончается время,
В каждом движении — след;
И я доверяюсь тому, что есть,
Взгляд повернув на свет.

Я слышал в ночи пробужденье чудес,
Я видел в камнях золотое сиянье;
И тайная мощь неизменных небес
Земле подарила второе дыхание...

Карма

Под небом чутьём даровитым
По миру блуждают соблазны
Интригами грея мечты
Вздымая дыхание рока
А пыл собирается в тучи
И по обдымленной тверди
Колотится грозный дождь
Меня призывающий жить
И неуголимо любить
Тебя безмятежную сплошь
Судьба разверзается дверью
Бросается мир поющий
В открытые лица и окна
Надежды свежи и чисты
Но бешеным ливнем облавно
Сердце к тебе прибито.

Психоделический блюз

Сплошной озноб – как некий щит,
В туманных травах – дух аккорда;
А город глух, и Высь молчит
Неумолимо и соборно.

Смятение дум несёт посев,
И суть меча вошла в орало;
Но ветер, гимном овладев,
Раскрепощает мощь хорала...

В глазах – туман, а в нервах – шок,
И в голове – ни грёз, ни драйва;
Шарахнул заревом исток,
И плоть познала дух инсайта.

Застыл в раздумьях Интернет,
Типаж усох от реставраций;
И в напряжение хлынул свет,
Из сердца выбив шквал оваций.

В лучах расплакалась трава,
И лики вышли из багетов...
Шумы слагаются в слова
И кровь надеждой отогрета.

Больная песня

Больная песня сдвинута по фразе,
Но в ней – сквозная суть;
Будь пахарь ты или фанат okazji —
Себя не обмануть.

Когда свобода – ранами наружу,
Бессильны люди-глыбы;
Земля вжимает плоть, а небо – душу,
И травы – дыбом...

Оглушшая толпа подобна рою,
Кулак почуял волю в давке тел...
Взошла молитвой песня над страной,
Против родной удел.

Во взглядах одичалых – невесомо;
Но лишь нальются скукой —
Из памяти взойдут живые стоны,
По венам застучав упругой мукой.

Пути и путы

Не ведись на кредо
Кротости притворной, —
Кто однажды предал,
Тот предаст повторно.

Кто однажды кинул,
Посшибает планки,
Воспоёт мякину,
Заклеймив буханки.

Кто однажды проклял,
Вникнет в подловатость,
И сгорит без прока,
Жуть обняв приватно.

Кто однажды выжил,
Смерть прощупав сердцем,
Тот остался выше
Сладостных инерций.

Кто когда-то верил
В волшебство живое,
Тот нашёл все двери,
Став самым собою.

И сказал открыто,
Вскрыв простое кредо:
— Кто в цепях не прыгал,
Тот себя не предал.

Репризы рока

Флюиды шока в пустом квартале,
Репризы рока в бессонном теле,
Фанаты блефа в глухом астрале,
Простуда неба в сквозной купели...

Лавины тока в столбах фонарных,
Приливы бунта в похмельной брани,
Томленье блуда в бреду бульварном,
Чутьё железа в тревожной длани...

Угар и ладан в осеннем смоге,
Наплыв любви в колокольном плаче,
Надрыв и хохот в шальной гармонии,
Осадок боли в слепой горячке...

Облава дури в угрюмых лицах,
Крушение граней в кромешной давке;
Такое долго не может длиться, —
Тоска нуждается в переплавке...

Собрав глаголы в поток аккордов,
Я в муть шарахнул нетленной песней...
И встрепенулся холодный город,
Припомнив негу родных поместий.

Движение

Безмолвие грозно, на сердце – туман,
А в небе – жемчужная манна;
В лицо дышит нега, не знавшая ран,
И ночь правит шаг далеко и неожиданно...

Судьба – на свободе, в ней – свет горизонта,
И крутится мир, оставаясь на месте;
Ты плен, я – солдат неизвестного фронта,
Мой путь – это воля, живая, как песня.

Блуждают надежды в живой лотерее,
Где проще молчать, не теряя идей;
А осень горит, ни о чём не жалея,
И где-то поют, не меняя ролей.

А сколько ещё неразгаданных судеб,
Которым уже ничего не дадут...
Но к лучшему всё; и свободные люди
Повторно в беду не войдут.

К чему привыкать, если музыка – в нервах?
К чему примыкать, если путь лишь один?
Душе не нужны ни форматы, ни меры,
И сила Небес оживает в груди.

Волшебные часы

Тон дан
День там
План тлен
Сплин плен
Стон глух
Тих дух
Гром крут
Град груб
Сон вон
Храм трон
Звон драм
Друг дан!

Мантра силы

Пусть думы острожны
И жизнь пригасила, —
Держись не за ножны,
В корнях наша сила.

Её не меняй
На стволы и стилеты;
Шагнёшь через край —
И получишь в дух мету.

Кто ставит на меч,
От меча погибает;
Летай, чтоб не лечь,
И витийствуй не в стае.

Не слушай того,
Кто набит фанатизмом;
В душе – волшебство,
И оно не капризно.

Здесь любят команды;
Ты слышишь? «Ату их!»
Вруби в сердце мантру —
И ворога сдует.

Дан вольным дар лада,
Ни страха, ни гнева;
Гаси горечь взглядом,
Распахивай Небо.

Быть ясным не сложно,
Нас воля вспоила;
Мы чуем как можем
Творящую силу.

Ключ высоты

Я знал одного художника,
Он пил,
И не отходя от треножника,
Творил...

Он жил с кутерьмой чердачника
И пел,
Когда уставал взбатраченно
От дел.

И в песнях его мифических
Плыл дым,
Который дарил свет личности
Живым.

Из сердца он шёл культурою
В мир душ,
Чтоб жизнь не была халтурою
За куш.

И светлой была концовка
Тех чувств,
Что жили без подтасовки
На хруст.

Он плакал и пил... и падал,
Чтоб встать
И снова картины Сада
Писать.

И с каждой тяжёлой ночью
Он рос;
И в душу дышал всей мощью
Шквал звёзд.

А рань его сердце поила
Росой;
И взгляд не терял той силы
Простой.

Меня с ним судьба нежданно
Свела;
И речь его дикой манной
Была.

Он просто сказал: «Будь выше, —
В том ключ;
В любви не бывает крыши, —
Свят луч...»

И от таковой шарады
Я сник;
Но тут же вознёсся ладом
На пик...

Художник озвучил время
Холстом;
И стало поющее Древо
Столпом.

Я принял его как данность
В свой мир;
А мастер прошёл, как Дао,
Сквозь пир.

Он просто устал от тела
В час туч...
И жизнь обратила в дело
Тот ключ.

Меж туманом и бездной

Меж туманом и бездной
Раскрывается сердце,
Всё идёт лишь навстречу
И меняется вид;

Меж туманом и бездной
Нет ни блюза, ни скерцо,
Есть лишь воздух, поющий
О бессмертной любви...

Меж туманом и бездной
Нет ни первых, ни крайних,
Есть лишь память да воля,
И закон – быть собой.

Меж туманом и бездной
Оживают и камни,
И трава – вся родная
Под восставшей мечтой.

Есть восторг в этой доле
И желанье быть вестью,
Ощутить безграничность
И стоять на своём...

Если путь лишь один, —
Боль становится песней;
И душа льётся речью,
Не прося ни о чём.

Свобода

Я устал озарять бесприютную муть,
Жизнь распахана шагом в бродяжких мечтах;
Если мир в стороне и печаль на устах,
Значит, надо в себе греть небесную суть...

А судьба глубока в дикой жажде любить;
Сколько душ захлебнулось в бездонной вине!
Эта грусть – как река, только некуда плыть,
И осталось купаться в безумной весне.

Вольный бой колокольни слова пробудил,
Я, постигнув росу, грею кровь на ветрах;
Штормовая заря выжгла путь впереди
И ничто не отменит свободы в ладах.

Так лови жемчуг звёзд в непогоду очей!
И почуяв певучий озноб, отзовись;
Я устал извлекать чудеса из камней,
И ожившие травы шумят о любви...

Из мук в сиянье

Печаль янтарных фонарей
Не постигает чуда звёзд;
Но и от неба не светлей,
Когда в миру – стихия гроз.

Когда любовь рассечена,
Себя дарами не увлечь;
Приходит жажда, как война,
И гасит боль живая речь...

Но выдох сна огни задул
И грёзы вздыбили шипы;
А новый день – как дым в саду...
Пройдись по жизни без тропы.

Тоска гудит, как ток в сети,
Но вен не вырвать провода...
И свет рождается в груди,
Чтоб над судьбой зажглась звезда.

Больница

Я хочу возвращать
Твои покаянные очи,
Которых мне не хватает
В эти танталовы ночи.

Твой несусветный наряд —
Как дверь за семью засовами,
И я хочу их снимать,
Вышептывая невесомое
Имя над грозным миром,
Где каждый выживает по-своему...

Как скрипка поёт под смычком
В раненых нервах музыки!
Я дланью твоей озвучу
Сердце, разбитое блюзами
Неукротимых дождей;
Себя обуздаю стенами,
Где не сломать костей,
Где тебя чую венами...

Вновь с себя, календарного,
Сорву отболевшие числа,
Так листопад, отгорая,
Делает дерево чистым.

И я поплыву в твои руки,
Поднятый коридором,
Дыхание выравнивая
Меж восхищеньем и вздором...

Горячкой опоенный, чую:
Между больницей и Небом
Тайно протянута память —
Неопалимая нега.

Присутствие любви

Мне ничего не осталось
Кроме как верить в рассвет;
Вновь ломовая усталость
Сводит рассудок на нет.

Стынет закатное месиво
В логове мутного дня,
И покаянье отмечено
Тайным дыханьем вина.

Милая, мы отогреемся,
Настежь досаду рассеяв!
Ветер ударил реверсом
С своим на Север...

Чую, меняется карма,
Вижу, светлеет Восток...
Думы восходят алтарно,
Беды кончаются в срок.

Лишь по раздумьям ударит
Опустошающий ветер —
Душу дыханьем одарит
Шёпот, парящий в рассвете.

Сквозняк

Снег весь наг,
Свет звёзд взвит,
В глушь лёг мрак,
Мир в сон вбит.

Мозг шьёт план,
Пульс длит век,
Дум шик пьян,
Плоть ждёт нег.

В кровь прёт хрип,
Дверь шлёт вой,
Щель пьёт скрип...
Транс – вновь мой.

Снега

Заснеженный мир – как тоска наизнанку,
А внешне – зима...
Ни песен, ни грёз, лишь озноб спозаранку,
И в дрёме дома.

Вздымается вьюга, и мысли нагие
В безбрежье снегов;
И дышит взметеленная ностальгия
В кручину слогов.

Поют сквозняки, оживлённо и дико
Сканируя мир;
В сознании – шторм, а душа нелюдима,
И дров бы в камин...

Но нет у меня ни печи, ни камина,
Лишь пламя в крови;
Но вот и заря широко и едино
Меняет наш вид...

Спалю песней грусть, стану диким и звонким,
Взмятежив умы!
И тихо почувствую где-то в печёнках
Стихию зимы.

Ночные страсти

Там, где лунная ночь
волшебство обнажала,
Ты сорвалась в меня,
превратив себя в жало...

И раскуривал пыл,
как фигляр в балагане,
Осовелый янтарь
в сигаретном тумане.

Элегия

Я вольно и зло обыграл твои нервы,
И музыка высекла тайную боль;
Ты трепет постигла, онежив манеры,
Чтоб жить колокольно и помнить любовь.

В дыму шелестят отгоревшие листья,
Распахнута горечь, и в думах – туман;
Заглохла душа, а дыхание длится,
И хочется верить, что мир – не капкан.

Здесь нужно летать, чтоб найти своё место,
Облавный закат пораскачивал птах...
Ты вспыхнешь очами – я выдохну песню
И выйду из тайны с мечтой на устах.

И души взалкают спасенья в пустыне,
И хлынут алмазы в нагую купель;
Ты сбросишь одежды и чутко застынешь
В ночи, словно белая виолончель...

И мы воспарим над железом и пеплом,
Мы, – вечные дети с весною в крови...
Я слышу, как ночь ожила и запела
Над памятным игом нелепой любви.

Раба мельпомены

Мадам, если это любовь, —
Зачем Вы идёте по краю
И, бурю во мне пробуждая,
В себе исчезаете вновь?

Мадам, если это печаль, —
Зачем, не отведав и чая,
Вы так приближаете даль,
В шептаньях одежды теряя?

Мадам, если Вы – навсегда,
Зачем говорить о свиданьях,
Вгоняя себя в ожидания?
В песках не растут города.

И если Вам сладостен флирт,
Нужна ли бравада элиты?
Душа не бывает убита,
И лишь временами болит.

Мы выстроим быт по Фэн-шую,
Примерим виссон и меха;
Но что озарит голь стиха,
Когда пыл тоскою задует?

Мадам, если это судьба, —
Зачем Вы смертельно сквозная
И, как Мельпомены раба,
Такая моя и чужая?..

Дивертисмент

Когда бы ты невольно иль открыто
В меня всадила б из «ТТ» обойму, —
Я понял бы, что значит быть убитым,
И вышел бы реально из запоя...

Ну а пока – как ни старайся – мимо,
Ты бредишь, выкрутасами блефуя;
Хами, флиртуй, пуская кольца дыма,
До срока не скажу, чего хочу я.

В тебя я хлыну песенным дыханьем,
И ты, сгорев, из пепла возродишься,
Безумными очами полыхая,
И больше никогда не возгордишься.

Cadence

N.

Вы – жуть, и я Вас отпускаю,
Неукротимая мадам;
Но лобызать не обещаю,
А лишь ударю по ладам.

Вы содрогнётесь в чуткой неге,
Узрев сияние во мгле;
И растворится горечь в небе,
Пройдясь тревогой по земле.

Экзальтация

Рань метелится в камни;
Свет зимы, серебрись!
Обжилась облаками
Разомлевшая высь.

Я плыву вдоль бульвара,
По волне буйных грёз;
Не нужны мне базары,
И не нужно колёс.

Я душой наизнанку
Целовал небеса,
И крутил не баранку —
Разжигал чудеса.

Но в миру всё иначе, —
Каждый вход ставит счёт;
Я респект одурачил
И пробил сердцем лёд.

Город выплеснул грохот,
Стала речь грозовой;
Притомилась эпоха...
Кто ещё здесь живой?

По кому не рыдает
Эпикуров мажор?
Ощути как фундамент
Чудотворный простор.

Разомкни боль устами,
Чтоб не гаснуть во лжи,
И умой небесами
Околотки души!

Я в горячке обранил
Озареньем закат;
И глаза фонарями
В переулках горят.

Когнитивный диссонанс

Есть правильный клерк, есть подлый,
Но оба они – под боссом,
Что ими рулит как угодно
Без нервов и лишних вопросов.

Есть честный игрок, есть шельма,
Но оба они – в игре;
И эта игра смертельна
При сдвиге в центральной коре.

Есть верная леди, есть бестия,
Но обе целуют распятие;
В цене и подрыв, и возмездие,
Что слева и справа от паперти.

Есть воля народа, есть мафия,
Но обе – под тайной десницею;
И ей не страшна эпитафия,
Поскольку, она вне юстиции...

И как интеллект ни настраивай —
В тени остаётся одно:
Реликт с мозговой войной,
Что движет разрозненным равенством.

Магия счастья

Любая попытка – не пытка,
Но есть предел
Свободе мобильной и прыткой
В движении тел.

Мы живы дремучим соблазном,
Но сверены временем,
Как меченые пегасы
Предчувствием стремени.

Утраты в запоях отпеты,
А чувства мятежны, —
Промозглые души согреты
Тоскою о нежном.

Но ясно взошедшие грёзы
Втиснуты в быт,
Как непостижимые розы
В надрыв панихид.

Фортуна светла и фатальна,
Но в смертный исход
Поднимет святая Случайность
И к жизни прибьёт...

Где скрыта слепая удача?
Нас дразнит успех.
Но здесь побеждать – это значит
Не видеть помех.

И я не желаю пытаться
О прошлом жалеть;
Есть магия тайного счастья —
Судьбою владеть.

На пределе тоски

Мадам, не дразните поэта, —
Он вам не слуга, и не гаер;
Снимите напряг сигаретой,
Вы всё же пока не нагая.

Умножьте дыхание шарма,
Вином погасите хандру;
Умчалась пора брудершафта,
Сгорели слова на ветру.

Мадам, ни к чему убиваться,
Ища в этом мире права;
Над ним – не лавина оваций,
Полёт, а в тени – тетива...

Смакуйте себя и хмелейте;
Мы все бесконечно близки...
Душа – как высокая флейта
Поёт на пределе тоски.

Прикосновение к миру

За этот мир нельзя хвататься,
Горя в желаньях оготело;
К нему лишь можно прикосаться,
Чтоб жизнь до срока не сгорела.

Фигура в нише

Она блистала салонным сленгом,
Любила дожди и амфирные ниши,
Лелея в тайне типаж Айвенго
И грея тоску по рецептам книжек.

И отшибая досаду усмешкой,
Как если б на плуг налегла мазохистка,
Она короля узревала в пешке,
Не мысля отрады без допинга риска.

И всякий влекомый загадочной негой
Пытался познать естество её линий...
И прочь ускользал, как полозья по снегу,
До пят напоённый волною полыни.

И в диком порыве немого экстаза
Её вдруг несло прогуляться по крыше;
Плясала истерика раненым джазом,
Тестируя нервы... Да кто их опишет?

И дрожью овеяв интимные зоны,
Её одиночество жгло и томило;
А ветер дышал тяжело и бессонно,
И ночь проливала в раздумья текилу...

А зарево утра сметало сомненья
И золото в окнах дробилось на счастье;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.